

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Трудолюбие и честность*, чувство собственного достоинства**, толерантность***, здоровое упрямство в делах, которые кажутся важными^{4*}, неспешная расторопность^{5*} и коллективизм^{6*}, умение рационально обустроить жилище, чистоплотность и организован-

* «Корелы по природе честны. Даже самые незначительные преступления вроде мелкого воровства, утайки найденного и тому подобное между ними редкость, а такие, как грабеж, почти неслыханны. Обман, недобросовестность также редкость. А потому корелы почти не знают ни векселей, ни расписок; они довольствуются обыкновенно не только в обыденных, мелких, но и в крупных делах одним честным словом. Честное слово для корела — закон. Тот, кто нарушает его, считается безнравственным, негодным человеком и такие личности презираются и преследуются всюду и всеми» [13, с. 663].

** «Оставаясь всегда свободным, как житель отдаленного крайнего Севера, куда не заглядывало барское крепостничество, корел держит себя со всеми свободно, непринужденно, с сознанием своего достоинства... это нисколько не мешает ему быть приветливым, услужливым, радушным, хотя в то же время в нем есть некоторая доля скрытности и хитрости...» [13, с. 662].

*** В этом смысле интересны многие высказывания, звучавшие в адрес обитателей Карелии в тогдашней прессе: как в научных, так и в газетных публикациях. Исследователей не могла не привлекать очевидная терпимость карелов к чужим мнениям и верованиям. Так, по мнению Н. А. Голубцова, раскол в Карелии отличался «внешним характером и [был] чужд фанатизма». Далее он сообщает: «Родившихся всех дают крестить священнику, но потом часто перекрещивают в старообрядчество» [7, с. 93]. П. П. Чубинский полагал, что мягкость характера карелов более всего очевидна в семейных отношениях. «У кореляков не замечается деспотизма мужа и отца,» — отметил он, утверждая, что если и бывают семейные ссоры, то только между братьями из-за наследства [40, с. 112]. Н. Камкин, описывая семейно-бытовые отношения среди карелов, особенно подчеркивал присущую им простоту и человечность в отношении старших к младшим, равно как уважение и повиновение младших к старшим, причем он имел в виду не только возраст, а, например, отношение свекрови к невесткам, главы дома ко всем домочадцам. Хотя семья строилась на подчинении главе ее и на подчинении женщины мужу и свекрови, но эти отношения были «настолько просты и мягки, — заключает он, — что семья почти вовсе не испытывала на себе сколько-нибудь заметного гнета». «Во всех сколько-нибудь важных делах, — добавляет он в своем этнографическом очерке, — глава корельского дома прежде чем приступить к делу непременно советуется с семьей, принимая к сведению мнения всех взрослых» [13, с. 664—665].

^{4*} «Корелы отличаются тихим, спокойным, мирным характером, — замечает по этому поводу Н. Камкин и продолжает — корел не любит ни ссор, ни душевного волнения и всегда готов уступить при столкновении с другими. Но уступчивость его выражается только в мелочах, в том, что он считает для себя несущественным, неважным; там же, где дело касается чего-нибудь важного, существенного, он умеет быть настойчивым; настойчивость его доходит в таком случае даже до упрямства» [13, с. 662].

^{5*} «Спокойный, тихий, корел не любит нигде и ни в чем спешить и рваться; он делает свое дело... ровно, плавно, не торопясь... Но он далек от лени. Он трудолюбив...» [13, с. 622].

^{6*} Хорошей иллюстрацией, подтверждающей это наблюдение многих путешественников по Карелии, является описание лова рыбы в тех карельских селениях, где имелись ограниченные возможности для него: на небольших реках, например: «...выезжает все селение или известная

ность*, одаренность многими талантами — чего стоит, например, признание высочайшего мастерства карелов в делании лодок и карбасов: «[не зная] ни чертежей, ни планов, ни каких бы то ни было приемов усовершенствованного технического судостроения, они руководствуются только навыком и каким-то архитектурным чутьем, присущим вообще корельскому народу!» [13, с. 653], и при этом чрезвычайная простота в быту, отсутствие многих и многих вещей, без которых, казалось, совершенно невозможно обходиться, невероятная бедность обитателей карельской части Поморья, буквально «открытой» подобно *terra incognita* российской образованной элитой и общественностью в конце XIX столетия, потрясали просвещенных визитеров. Благодаря деятельности учрежденного в Архангельске Общества изучения Русского Севера многие из их записок, снабженные комментариями и размышлениями, были опубликованы. Эти собранные по крупицам впечатления, фрагменты бесед, состоявшихся с наиболее колоритными из местных жителей, сиюминутные зарисовки нюансов повседневной жизни и подробностей человеческих отношений, а главное — приводимые на основе доступной их авторам тогдашней статистики цифровые выкладки — не только в значительной мере восстанавливают картину происходивших с карелами и вокруг них перемен, но даже как будто позволяют ответить на главный вопрос: как могло случиться то, что случилось на протяжении XIX столетия с этим благословенным краем и его народом?

«Отчего бы вам не жить так, как живут финляндцы? — спрашивает один из многочисленных корреспондентов Архангельского общества изучения Русского Севера у старика-карела, будучи озабоченным, как и все думающие люди того времени, бедственным положением обитателей Карелии, — ведь земля у них не лучше да и лугов нет...» «Правда, местность у нас одинаковая, пожалуй, еще лучше, чем в Финляндии, — делится своими размышлениями его собеседник, — но дело в том, что нам недосуг поля пахать и чистить сенокос: почти все время мы находимся на заработках...» [27, с. 40].

«Остаются дома, — рассуждает автор другой журнальной заметки о принявшем поистине массовый характер в Карелии отходничество, самым плачевным образом сказывавшемся на крестьянских занятиях и потому беспокоившим общественность, — [только те] ...у которых есть на месте или торговое дело, или порядочное хозяйство, которое дает средства к жизни. Также остаются много-семейные, у которых несколько членов семьи уходит, а некоторые остаются дома для домашних работ...» [29, с. 561].

часть и неводы закидываются на тонях один за другим по очереди; по окончании лова ловцы съезжаются в одно место и выловленную сообща рыбу делят между собою поровну, хотя бы иной невод не поймал ни одной рыбы; ни споров, ни каких-бы то ни было неудовольствий никогда не бывает, ибо принцип общинности признается всеми за закон» [13, с. 305].

* «Дом свой корел держит в чистоте. Каждую субботу и пред каждым праздником как изба, так и сени, а у кого есть горница, то и последняя тщательно моются и каждый день чисто метутся, а три раза в год — пред Рождеством, Пасхой и перед годовыми деревенскими праздниками — моют весь дом большим мытьем, т. е. моются не только полы, но и стены и потолки. Освещаются дома лучиной, но благодаря с одной стороны такому мытью, а с другой тому, что дыма от лучины бывает очень мало, так как употребляется лучина самая тонкая и из моченого леса, и притом весь дым выходит наружу в особый отдушник над светцом, где горит лучина, — стены и потолки в корельских домах почти вовсе не темнеют. Свечи можно встретить только у зажиточных, и то только в горницах. В избах же и у них горит одна лучина. Вместе с чистотой в корельском доме господствует во всем порядок. Все уложено и прибрано, как следует на своем месте. Неприятного, лишнего хлама и беспорядка в вещах корел не терпит» [13, с. 659].

И действительно, лишь семья, имевшая в должном количестве рабочие руки, могла рассчитывать на какую-то элементарную прожиточность. Особенно оправданной такая модель дворохозяйства должна была быть здесь, в северной части Карелии, являвшейся, по общему мнению, «зоной неуверенного земледелия» в силу обстоятельств объективных — климатических. Только в такой панозерской семье могли успеть и с землепашеством управиться, и на промыслы — на лесоразработки, на Мурман, а то и в Норвегию, в компании знаменитых на все Беломорье торговцев — вчерашних мальчишек из соседнего двора — братьев Елизаровых* кого-то снарядить, и в разносной торговле в Финляндии поучаствовать, и лесную дичь вовремя настрелять, и домашнее коровье масло, так славившееся повсюду как масло «по-чухонски», заготовить, чтобы было что и своего на воз положить-упаковать, отправляя на ярмарку в роли возчика, подрядившегося к более богатому торговцу и промышленнику из соседней волости, одного из сыновей. Да еще по весне и по осени надо было проявить расторопность, чтобы всех домашних обеспечить выловленной в родном озере Панозере рыбой — насолить, засушить, навялить ее впрок в достаточном количестве, ибо именно она составляла главный продукт в традиционно считаемом более чем скудным рационе местного населения.

Тут мы позволим себе небольшое отступление. С легкой руки ужасавшихся видом карельского хлеба с примесью сосновой коры или рубленой соломы путешественников, бывавших здесь в XIX веке, едва ли не общепринятым стало мнение, что этим-то «продуктом» испокон веков и питались несчастные карелы от рождения до смерти, живя в своих отрезанных от центров цивилизации, за трясины и болотами при реках и озерах расположенных, на десятки верст отстоявших даже друг от друга деревушках. Впрочем, самые внимательные из них не упускали из виду отметить, что, по крайней мере, пятая часть карельского населения «сводит свои концы настолько, что может питаться чистым, без примеси названных суррогатов, хлебом», во всяком случае в те годы, которые не были отмечены полным неурожаем [13, с. 655]. Действительно, как пишет Н. Камкин в своем удивительном по множеству детальнейших наблюдений за жизнью и бытом карельской глубинки этнографическом очерке, особенно

* Братья Елизаровы были единственными в крестьянской Карелии лицами, чья предпринимательская деятельность достигала масштаба, сопоставимого с деятельностью настоящего купечества: они имели официально приобретенное купеческое свидетельство. Еще только четыре предпринимателя на все карельские волости (по одному в Ухте, Вокнаволоке, Юшкозере и Панозере) действовали на аналогичном уровне, но они имели только промысловые свидетельства (по-видимому, это что-то типа современной лицензии. — И. Ч.). Весьма любопытна история возвышения крестьянского семейства Елизаровых. Все началось с того, что один из них, как рассказывает П. П. Чубинский: «... за уплату за него рекрутской повинности поступил на 8 лет в работники по контракту к кольскому купцу Герасимову, а Герасимовым был передан кольскому купцу Богданову; по окончании срока Богданов дал средства Елизарову начать торг, сначала не в значительном количестве, а потом дал денег на покупку судна, и с тех пор Елизаров успел завести большое судно и в настоящее время производит торг с Норвегиею на сумму до 12 000 рублей» [40, с. 92—93]. Согласно X ревизии (1858) оба брата — Павел и Родион, сыновья Луки Иванов[ича] Елизарова, числились среди панозерских крестьян. Во дворе их отца проживало огромное семейство, состоявшее более чем из 20 человек, считая и только что родившихся младенцев. Здесь вместе жили и вели хозяйство под главенством вдовствовавшего «патриарха» Луки, сына Ивана Елизарова, четыре семейные пары: двух братьев и еще двух их двоюродных братьев, племянников главы семейства, сыновей его брата Степана, с которым вместе, двумя семьями в одном дворе они жили, начиная с 1834 года. Еще два племянника, осиротевшие до подачи ревизской сказки 1850 года, тоже тут, но пока не женаты.

в ходу здесь был «хлеб сосновый, по-карельски 'петяян рещка'»*. При этом он подчеркнуто обращает внимание: «...корелы имели достаточное количество рыбной пищи». «Питаюсь постоянно рыбой, а в скоромное время нередко и мясною пищею (дичью), — с удовлетворением констатирует ученый этнограф, — они не налегают очень на рещку, а едят ее в небольшом количестве... питание рещкой было бы для них, без сомнения, крайне губительно» [13, с. 656]. И тем не менее все наблюдатели единодушны в заключении: труд на земле являлся здесь делом в высшей степени неблагоприятным, рискованным. Одна морозная ночь могла лишить здешнего земледельца всякого урожая буквально накануне жатвы. К тому же крайне бедные, малопродуктивные почвы вообще не позволяли рассчитывать на сколько-то продуктивное хлебопашество.

Древний же способ выращивания местного хлеба, не только единственно выгодный, но и оправданно доступный в здешних природно-климатических условиях, основанный на подсечной, а не на полевой системе хозяйствования, был строго-настрого запрещен правительством как ведущий к истреблению лесов. Какого рода впечатление на человека приезжего, а ведь именно приезжие высокообразованные чиновники явились главными инициаторами прекращения пожаров леса под посевы злаков, практиковавшихся карелами не только в Поморье, но и в северных областях Олонецкой губернии, могла произвести типичная лесная «нива» — разработанная и использованная под пашню подсека, — легко себе представить, читая возмущенные фразы, вышедшие из под пера П. П. Чубинского. Он писал: «Я видел эти оставленные нивы и должен сказать, что они представляют безобразное явление. Нива покрыта обгорелыми пнями и камнями, и в таком виде напоминает первобытный способ хозяйства» [40, с. 75].

Однако стоило в середине XIX столетия начать преследование пожаров под посевы более или менее энергично, как «уже через несколько лет, — констатирует Н. Камкин, наблюдавший развитие событий буквально «по горячим следам», в 1870-х, — весь Карельский край успел сильно обеднеть» [13, с. 298]. Что несколько не удивитель-

Подсека. С гравюры XIX века

* Продолжение цитаты может быть интересно читателю: «Рещка эта не что иное, как пресная горьковатая на вкус лепешка из муки, получаемой из нижней беловатой оболочки сосновой коры или заболони, с примесью к ней от 1/4 части до половинной пропорции ржаной или ячменной муки. Чтобы получить названную муку, снятую с дерева заболонь сушат сначала на солнце, а потом в печи, и когда она настолько просохнет, что легко крошится, ее толкут в ступе и затем мелют на ручном жернове. Сдирается заболонь только весной, когда сосна в соку, и всегда с молодых деревьев, так как на них она сочнее и толще...»

но, ведь количество собираемого хлеба, которого ранее большинству хватало на всю зиму, а некоторым и на целый год, сократилось не менее чем на две трети [13, с. 298]. Естественно, что теперь его стало хватать даже в лучшие урожайные годы не более чем на пресловутые 3—4 месяца. Это и не могло быть иначе: при малом в целом количестве пригодных под пашню земель, по авторитетному свидетельству того же Н. Камкина, количество активно используемой населением полевой земли не превышало половины десятины на одну душу. К тому же земля эта совсем не отличалась плодородием: в то время как самые обычные урожаи на подсеках достигали сам-15—20, а иногда даже случались и сам-40, и даже сам-50*, на придеревенских участках в Панозерской волости едва удавалось добиться урожая в сам-4. И это еще было хорошо. Как ясно из приведенных П. П. Чубинским цифр, Погоская волость занимала почетное третье место среди других карельских волостей и обществ: до сам-5 доходили урожаи лишь в Вычетайбальском сельском обществе и в окрестностях Тунгуды. В основном же они не превышали сам-3 [40, с. 78].

Почему-то никому из тех, кто ратовал за строжайшее запрещение подсечного хлебопашества, не пришло в голову, что истребление лесов, казавшееся столь неизбежным из-за подсека, должно было бы уже произойти ко времени возникновения самой проблемы, ведь такой способ земледелия практиковался в Карелии испокон веков. Напротив, главное богатство этого края, как отмечали все абсолютно путешественники и ученые инженеры, прибывавшие сюда от Лесного департамента, составляли вековые строевые леса. Никто не удосужился изучить вопрос, прежде чем выносить столь губительное для местного населения — запретительное — решение. И только много позднее, когда бедственное положение края стало совершенно очевидным, оказалось возможным понять, что подсеки в силу специфики своей никак не могли быть связываемы с реальной опасностью лесоистребления. Воспользуемся логикой рассуждений одного из тех, кто не просто осознал плачевные последствия вмешательства государственных чиновников в традиционное хозяйствование местного населения, но и выступил на страницах печати с убедительной критикой этого недальновидного решения. В начале 1880-х годов Н. Камкин подверг этот вопрос детальному рассмотрению в своем этнографическом очерке «Архангельские корелы». Он рассуждал примерно так: конечно, для того, чтобы засеять ниву, лес, на ней выросший, следовало сжечь; ведь именно сгоревшие деревья и кустарники дают то, что обеспечивает урожай, выступая как необходимое и весьма высококачественное удобрение; поэтому-то участки под нивы выбирались всегда поросшие смешанным, преимущественно из лиственных пород состоявшим лесом, так как земля, где растут осина, ольха и береза, гораздо плодороднее и сочнее, чем та, где растут только хвойные породы; к тому же разрабатывать нивы предпочитали лишь там, где деревья не старше 15—20 лет — и для их-то вырубki требовалось немало и труда, и денег, если в собственном дворе не находилось нужных рабочих рук. И, не ограничиваясь выводом, что «корелы разрабатывали свои подсеки исключительно на одних и тех же, раз избранных, местах, возвращаясь на старья места чрез каждые 15—20 лет», Н. Камкин приводит в заключение убедительный расчет, свидетельствующий о том, что для ведения подсечного хозяйства, если бы

* П. П. Чубинский, со слов местных крестьян, называет баснословно высокую цифру урожая, который мог быть получен иногда на подсеке — сам-80 [40, с. 75].

даже все жившие тогда в Поморье 8 тысяч ревизских душ карелов занимались этим (что невозможно в силу целого ряда экономических причин и житейских обстоятельств), то и тогда они физически могли бы «эксплуатировать лесную площадь не превышающую 140—150 тысяч десятин, или от 17 до 18 десятин на душу» [13, с. 299]. Излишне говорить о том, что это, традиционное для края, подсечное земледелие могло процветать только при наличии большесемейных коллективов, так как было чрезвычайно трудоемким и бесперерывным: ниву под посев готовили три сезона подряд, а сеяли только один раз*, но хлеб был нужен каждый год, так что следовало работать в разных местах параллельно.

Не потому ли — вправе мы спросить — в столь значительной степени и оказались распространенными среди карелов во второй половине XIX столетия отхожие промыслы, что они единственно позволяли заработать деньги на пропитанье? Хлеб, который теперь стало запрещено выращивать самим, как делали это деды и прадеды, приходилось добывать «дорогою ценою в Поморье: от 1 рубля 25 копеек до 2 рублей за пуд» [13, с. 298]. Приведем несколько цифр, позаимствованных в округленном виде у П. П. Чубинского: хлеба в карельских волостях в целом требовалось в год дополнительно к тому скудному урожаю, которого хватало на 3—4 месяца, около 111 тысяч пудов. Даже если он бывал куплен по самой дешевой цене в Кеми — по 1 рублю 10 копеек за пуд — и доставлен самими карелами в свои дома (читай: принесен на плечах, ибо именно этот путь доставки грузов был самым приемлемым и распространенным), требовалось не менее 122 тысяч рублей. После же уплаты податей от всех заработков на промыслах и торговли оставалось не более 55 тысяч рублей [40, с. 98]. Обо всем остальном — о покупке льна и пеньки для холста, пестряди и набоек для сарафанов, кожи на сапоги, платков, шапок и прочего статистики того времени, полагая по 2 рубля в год на одну душу, начиная с пятилетнего возраста и выводя общую сумму в 26 тысяч рублей, могли рассуждать исключительно в сослагательном наклонении. Необходимых на все это денег в Карелии не было**.

* Очень выразительно описывает этот процесс бескомпромиссный поборник запрета на подсеки П. П. Чубинский: «...выбиралось в лесу высокое место, удаленное от болот, покатоое к югу; место, защищенное от холодных ветров лесом. На этом месте срубивался лес; на другой год этот срубленный, высохший лес сжигали, причем стгорали красный мох и ягодные растения, как-то: стебли черники, брусники, мха, а равно перегорал слой земли, состоящий из перегнивших корней этих растений. На 3-й год стягивали в кучу оставшиеся голыни и сожигали их, и затем без пахания сеяли рожь и после посева заборонивали обыкновенными боронами. На 4-й год собирался хлеб...» [40, с. 75].

** Нельзя не привести в этой связи рассказ Н. Камкина о носивших домашний характер «производствах» карелов. «За самыми ничтожными исключениями, — писал он в начале 1880-х, — корелы выдвывают сами для себя кожи и овчины и... сами приготавливают из них одежду и обувь. ...почти все они умеют приготавливать из овечьей шерсти сукно и, надо отдать им справедливость, сукно весьма хорошего качества. Ткут также из шерсти незначительное количество так называемых писяг, т. е. клетчатых, наподобие шахмат, ковров и одеял, которые продаются от 5 до 8 рублей за штуку. Пряжа для них употребляется красно-бурая и черная; первая окрашивается краской, получаемой из корешков дикой марены (*Rubia inctorum*), которая растет в Корельском крае в большом обилии; вторая же получается из черной шерсти. Мареновою же краской окрашивают корельские женщины свои шерстяные юбки (из своедельного же сукна). Из покупаемых на Шунгской ярмарке пеньки и льна женщины ткут простой толстый холст на обыкновенных, употребляемых между русскими крестьянами, станках. Прядут же почти исключительно на финляндских прядках. Пестряди и набойки не ткут, а покупают на Шунгской ярмарке» [13, с. 654].

Отходничество лишало всякой перспективы домашнее хлебопашество и скотоводство из-за регулярного отсутствия основной части рабочей силы, и карелам это было, по-видимому, еще более ясно, чем тем, кто оказывался у них проездом по службе или путешествуя, но выхода другого не было: пропитание семьи нужно было как-то обеспечивать. Нельзя сказать, что эта проблема не обсуждалась и в те времена, о которых мы ведем речь. Да и размышления на страницах печати нередко появлялись вполне разумные и многое объяснявшие. Но только в реальной жизни ничего не менялось к лучшему, а инициативы правительства как правило не несли действительного изменения ситуации, хотя звучали многообещающе.

Так, правительство, озабоченное тем, что приобретение хлеба, особенно с учетом доставки его в Поморье, обходилось карелам весьма дорого, и в связи с тем, что так называемой «вольной» продажи хлеба в самой Карелии не было, решило исправить ситуацию и, как сообщает П. П. Чубинский, «назначило для нее пропорцию в 42 000 пудов для 6-ти торговых магазинов». Было задумано так, чтобы часть этого хлеба выдавалась на условиях ссуды, а часть продавалась за деньги. В результате «долги крестьян за выданный правительством в ссуду за последние годы хлеб возросли до громадной цифры» [40, с. 99]. К тому же хлеб, не купленный карелами сразу после доставки в Кемь, оказывался распроданным предприимчивым людям. После, ближе к весне, когда наступала острая нужда в нем, карелы вновь отправлялись за хлебом и должны были платить втридорога за него, уже по весенним ценам. Так что инициатива правительства явно пошла на пользу не обитателям карельской глубинки, которым адресовалась.

В действительности же главной проблемой здесь было даже не купить хлеб, а доставить его. Уже знакомый нам старик-карел, отвечая на самому себе заданный вопрос: «почему мы живем хуже финляндцев?», с грустью заметил: «...там выгодно заниматься земледелием, потому что есть куда продать всякие продукты... и поезжай куда угодно во всякое время года... а у нас или ешь все сам, или отдавай за бесценнок... сам знаешь, какие у нас дороги...»

Что он имел в виду легко представить, прочитав лишь одно из многочисленных описаний этих самых «путей-дорог», которыми вынуждены были пользоваться местные жители на исходе XIX века (!). Речь пойдет как раз о Панозерском приходе: «До села Кургиева, — сообщает местный священник, — приходится путешествовать пешком. На большей части пути лежат болота, причем особенно трудно проходу болото «Пахка», растянувшееся на пять верст. По нему идут по колено в грязи, с большими усилиями выволакивая ноги. Путь лежит между трясинами, представляющими бездонные колодцы,

с большими усилиями выволакивая ноги. Путь лежит между трясинами, представляющими бездонные колодцы,

потому что прежде болото было озером, а теперь зарастает. Чтобы не провалиться в такой колодец, нужно перескакивать с кочки на кочку. До деревни Шелоповья, лежащей в 30-ти верстах от церкви и путь в которую лежит через село Кургиево, на протяжении целых 20 верст нужно идти болотом, где нет никаких мостков. До деревни Шомбозера причт делает от Кургиева 20 новых верст, из них 13 верст болотами и 7 верст в карбасе порожиистой рекой и озером» [24, с. 107].

И так, или примерно так было повсюду. Нетрудно представить, как недоставало краю дорог. В 1909 году приехал губернатор И. В. Сосновский. Его встречали не только с традиционной гостеприимностью хлебом-солью, но священники выходили ему навстречу с крестом в руках, а в церквях звонили даже в колокола [2, с. 183]. «Через три года здесь будут дороги!» — провозгласил он. Но опять ничего не изменилось. «Не было дорог через три года, нет и теперь», — горько сетует М. Бубновский в публикации 1917 года.

Не пожелав больше мириться с этим ужасающим положением, а может быть, вдохновленные визитом губернатора, наиболее предприимчивые жители соседней с Панозером Вокнаволоцкой волости решили больше не ждать, когда правительство выделит средства и найдет силы для решения этой проблемы, и начали сами в конце первого десятилетия XX века строить дорогу к границе через деревню Каменное Озеро. Тут издревле существовал торговый путь, но, как писал в 1911 году скрывающийся под инициалом Р. корреспондент «Известий Архангельского общества изучения Русского Севера»: «...по этой дороге можно пройти пешеходу, да еще можно пройти и лошади, запряженной в сани или в двухколесную телегу; но дорога эта природная, а не выровненная человеческим трудом, притом вся усеяна камнями и вообще в таком состоянии, что перевозка товаров по ней невозможна» [29, с. 562]. Далее события развивались так: «Место было осмотрено, намечено и вымерено, и люди принялись делать дорогу. Работали карелы и финны. Труд рабочих оплачивался пожертвованиями некоторых карельских и финских торговых фирм, для которых дорога была особенно выгодна и необходима... Вырубали лес, выворачивали и убирали камни, засыпали болота, по обеим сторонам дороги копали канавы. Дорога делалась шириною сажени две с половиной*... было сделано уже версты 3—4 и вдруг, как снег на голову, вышло запрещение делать дорогу. Карелы, конечно, покорились... и все находятся в ожидании и при надежде, что когда-нибудь дорогу делать будут, или разрешат, по крайней мере, им сделать дорогу на свои средства» [29, с. 563].

Ни для кого из думающих людей того времени не было секретом, что на фоне отсутствия дорог не меньшим злом для Карелии стала «столь значительная распространенность (в определении Н. Камкина. — И. Ч.) отхожих промыслов» [13, с. 653]. Объяснялась она, по его мнению, «почти полным отсутствием у них местных производств» [13, с. 653]. П. П. Чубинский тоже не сомневался, что «бедственное положение Корелы» происходило «от недостаточности промыслов и заработков, то есть от недостаточности спроса на труд» [40, с. 99].

При этом правительство, озабоченное ситуацией, действовало, как это уже показано и выше, «с точностью до наоборот». Так, оказалось пресеченным во

* Таким образом, дорога эта строилась шириной в 5,3 метра

многих местах, и в том числе в Панозере, традиционное, многим в Карелии знакомое кузнечное мастерство. Местные кузнецы весьма преуспевали, так как общеизвестным является факт: «...выделявая из своедельного железа не только обыкновенные хозяйственные вещи, как-то топоры, ножи, косы, серпы и тому подобное, но и хорошие ружья — винтовки, [они] ...зарабатывали хорошие деньги» [13, с. 563]. Но вот введена была пошлина на дрова, которой до тех пор корелы вовсе не знали — и, констатирует Н. Камкин, «кузнечное мастерство пало, ибо выделка железа с уплатою пошлины за дрова стала невыгодною» [13, с. 564].

Точно так же случилось и с другим, не менее доходным и не менее традиционно распространенным в Карелии, промыслом — смолокурением. Как и сыродутное железо, смолу стало невыгодно ни производить (оба процесса основаны на большом потреблении именно дров), ни продавать — вследствие дороговизны доставки, ведь спрос на то и на другое по преимуществу был в Архангельске.

Констатируя вслед за учеными-этнографами, образованными учителями, патриотами-священниками и просто путешественниками, опубликовавшими свои записки на страницах многочисленных в те времена изданий краеведческого характера, сопоставляя зафиксированную ими реальность и приводимые статистические данные со всеми этими никак не благоприятствовавшими развитию карельских волостей правительственными мерами, нельзя не удивляться бесконечной мудрости и житейской стойкости живших здесь людей. Налицо не только тяготы и лишения, сваливавшиеся на местное население из-за нерадивости, а то и чрезмерного рвения далеких от реальных условий, высокомерно принимавших решения с целью все и немедленно исправить и повернуть в лучшую сторону, но крайне редко способных адекватно оценить именно здесь веками складывавшиеся обстоятельства и порядки, условия и правила жизни чиновников, налицо — и это оказалось возможным уловить, анализируя столь сухие и, на первый взгляд, мало что говорящие, бесконечные перечни имен некогда живших здесь людей — чрезвычайно высокая, из века в век сохраняемая жизненная активность обитателей Панозера, ничуть не меньшая, чем в соседних волостях, готовность приспособливаться, желание искать и находить способы выжить, прокормить себя и семью, вырастить детей с тем, чтобы не прерывалась жизнь на этой древней карельской земле.

